
18+
Зыбин Георгий
ОЛЬХОВКА
ЗНАК
ТИШИНЫ

Георгий Зыбин

Знак Тишины

«Издательские решения»

Зыбин Г.

Знак Тишины / Г. Зыбин — «Издательские решения»,

В деревне Ольховка происходят загадочные самоубийства. Полиция не видит состава преступления. Подростки выясняют, что причина — низкочастотный гул, который каждый день в 6:40 включает старый магнитофон на станции. Звук постепенно разрушает психику. Макс и Аня пытаются остановить аппаратуру и спасти друга, который уже находится под воздействием мелодии.

© Зыбин Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Крыша над серой низиной 6
Глава 2. Записи в дерматиновом переплёте 10
Глава 3. Жёлтая лента у перрона 14
Глава 4. Музыка для пустых стен 17
Глава 5. Таблицы на чердаке 20
Глава 6. Учитель в орбите 22
Глава 7. Тень на камере 28
Глава 8. Заброшенный дом Саввы 32
Глава 9. Хутор за станцией 35
Глава 10. Подземный пульт 37
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Знак Тишины

Георгий Зыбин

© Георгий Зыбин, 2026

ISBN 978-5-0071-5859-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Крыша над серой низиной

Ольховка застревала в горле. Как сухой горький лист со дна заброшенного колодца. Макс помнил это с детства. Стоило старому ПАЗику, покрытому рыжими пятнами коррозии, выползти за поворот, и горло сжималось само собой. Деревня лежала в низине. Каждую осень её затапливало не водой, а сыростью. Она поднималась от речки, от старицы, от заболоченного ольшаника за околицей. Просачивалась в подполы, в сараи, в лёгкие. К октябрю здесь всё пропитывалось влагой насквозь. Туман сползал со стороны речки. Оседал на полугнилых заборах из необрезной доски. Глухо гасил любые звуки. Оставалось лишь шуршание капель да сухой стук оголившихся ветвей о стены. Воздух пах остывшим печным дымом, мокрой глиной и прелой ольховой корой. Выходить из дома без крайней необходимости не хотелось.

Старики говорили, что раньше тут было озеро. Потом оно ушло под землю. С тех пор земля под деревней дышит. То размякнет, то затвердеет, то загудит на разные голоса, если приложить ухо к мёрзлой кочке. Макс в детстве пробовал. Прикладывал ухо к земле за бабушкиным огородом и слушал. Ничего не слышал, кроме собственного пульса. Но бабушка говорила, что надо уметь слушать. «Не ушами, Максимушка. Ушами ты только шум слышишь. А ты попробуй так, чтобы внутри стало тихо-тихо. Тогда и земля заговорит». Он так и не научился. Может, к лучшему.

Школа, серое двухэтажное здание с облупившейся краской на рамах, казалась единственным островком цивилизации. Но к трём часам дня и она замирала. На большой перемене Макс обычно стоял у разбитого умывальника в коридоре. Слушал, как монотонно гудят чугунные трубы старой котельной. Сегодня там толклись младшеклассники. Даже они казались заторможенными. Уставшими от бесконечной серости за окном. Ольховка давила монотонностью. Одни и те же лица. Одни и те же облезлые заборы. Одни и те же пустые разговоры у сельпо про подорожавший комбикорм и грядущие заморозки.

В школе было двадцать три ученика на все одиннадцать классов. Макс знал каждого по имени. Каждого с детского сада, который закрыли три года назад из-за нехватки детей. Он знал, у кого отец пьёт. У кого мать уехала в город и не вернулась. У кого старший брат сидел, а у кого служил в Чечне и вернулся с тиком. Он знал, кто с кем спит, кто кому должен, кто на кого пишет доносы в район. Ольховка была маленькой, тесной и душной. Как забитый досками подвал.

Сейчас Макс сидел на плоской крыше старого кирпичного гаража. Свесил ноги в тяжёлых ботинках с облезшими носками. Смотрел, как мелкая штукатурная крошка оседает на пожухлую придорожную траву. Деревянная лестница, по которой он вскарабкался полчаса назад, с треском ухнула вниз минутой ранее. Подломилась нижняя трухлявая перекладина. Парень даже не дёрнулся. Продолжал цепляться пальцами за холодный влажный край парапетной плиты. Смотрел вниз, на траву, смешанную с мелким мусором и битками бьющейся водочной тары.

С этой крыши открывался вид на полдеревни. Слева ряд покосившихся изб с шиферными крышами. За ними силосная башня без крыши, ржавая, как обломок старого корабля. Справа школа. За ней Дом культуры, серое здание с колоннами, выкрашенными в цвет детской неожиданности, и выбитыми окнами на втором этаже. Прямо речка, точнее, то, что от неё осталось. Узкая полоска воды в илистых берегах, заросшая осокой и ряской. За речкой

лес, тёмный, густой, с редкими просветами. И ольшаник, тот самый, что дал название деревне. Ольхи стояли вдоль берега. Высокие, корявые, с тёмной корой и листьями, которые осенью становились почти чёрными. Бабушка говорила, что ольха дерево мёртвых. Что она растёт на границе между этим миром и тем. Макс не верил. Но когда смотрел на ольшаник в сумерках, ему казалось, что деревья стоят слишком плотно. Будто пытаются закрыть что-то, что за ними.

Снизу раздался знакомый хруст сухих веток. Из-за угла сарая показалась Аня. В одной руке она сжимала его старый «Самсунг» с паутиной трещин по экрану. В другой держала плотный бумажный пакет. От него на метр вокруг разносился запах горячего масляного теста. Аня была из тех девочек, которые в деревне считаются городскими. Не по прописке, а по повадкам. Носила джинсы, а не юбки. Курила за школой. Ругалась матом не хуже пацанов. И никогда не плакала при людях. Её мать работала в райцентре в поликлинике. Уходила в шесть утра и возвращалась в девять вечера. Аня с восьми лет вела дом сама. Топила печь, готовила, стирала. Умела обращаться с топором и с электричеством. А в прошлом году сама перебрала двигатель старого «Москвича», который отец бросил в гараже, уезжая в город к новой жене. В деревне её побаивались, но уважали. И Макс, если честно, тоже побаивался. Только по-другому.

— Опять ты тут завис, — сказала она. Даже не глянув на рухнувшую лестницу. Аккуратно пристроила пакет на ржавый капот стоящего у стены остова «Москвича». Задрала голову, поджав губы от пронизывающего сквозняка. — На, забирай свою трубу. Кирилл звонил уже раза три. Орал, что бежит сюда. Мать твоя пирогов сунула с картошкой, пока тёплые. Ты слезать-то как думаешь, верхолаз? Или до ночи тут куковать будешь, пока уши не отвалятся?

— Да забей, на сарай перепрыгну, тут лететь-то всего ничего, — буркнул Макс. Нагнулся через край крыши, забрал телефон. Его пальцы случайно задели её ладонь. Ледяная от сырого ветра, гуляющего по переулку. — Что Кира опять припёрся? Снова свои видеокарты ковыряет? Или опять провода на свалке ищет для радиостанции?

— Не знаю, — Аня пожала плечами и сунула руки в карманы куртки. — Орал что-то про «сенсацию» и «вы все охренеете». Я не вслушивалась. Он последние две недели сам не свой, ты же знаешь. С тех пор как нашёл на свалке этот свой регистратор, ходит как помешанный.

Макс знал. Кирилл вообще был человеком одержимым. В детстве собирал радиодетали. Потом старые компьютеры. Потом спутниковые тарелки. В его чердаке было что-то вроде музея техники. Ржавые магнитофоны, разбитые телевизоры, мотки проводов, платы, микросхемы. Он умел оживлять вещи, которые все остальные считали мусором. И в этом было что-то пугающее. Он возвращал к жизни то, что должно было умереть.

Кирилл выскочил из-за угла секунд через пять. Он не просто шёл, а почти летел по раскисшей мокрой тропе. Судорожно прижимал к засаленной куртке небольшой планшет в потёртом кожаном чехле. Светлые вечно взъерошенные волосы намокли от мелкой мороси, превратившись в смешные сосульки. В глазах горел тот самый нездоровый взвинченный азарт, который обычно предшествовал его очередным дурацким строчкам кода или странным железкам. Не говоря ни слова, он поддел носком тяжёлого ботинка рухнувшую лестницу, упёр её в шлакоблок и в пару прыжков взобрался на крышу к Максу. Тяжеловато дышал, утирал нос рукавом засаленного свитера.

— Короче, вы ща охренеете, — выдохнул Кирилл без всяких здрасте. С ходу ткнул пальцем в заляпанный отпечатками и каплями дождя экран. — Я же вчера регистратор старый

на окно повесил. Ну, которое на станцию выходит. Думал, срисую тех уродцев, что кабель у водокачки срезали. А тут вот, гляньте. Самый угол кадра, вчерашние сумерки. Вы просто присмотритесь!

На видеозаписи, снятой в густых вечерних сумерках, отчётливо просматривался боковой вход заброшенного кирпичного здания станции Ольховка. Белёные стены давным-давно отслаивались крупными пластами, обнажая старую красную кладку. У самой боковой двери, наглухо заколоченной крест-накрест толстыми досками, замерла тёмная фигура. Человек в бесформенной куртке с глубоким капюшоном стоял абсолютно неподвижно. Единственной заметной деталью на нём белела узкая тканевая полоса на левом рукаве. Она преломляла редкие вспышки света от фар дальних фур, проносившихся по шоссе за лесом.

Станция Ольховка была мертва уже лет двадцать. Когда-то через неё ходили поезда. Сначала пассажирские, потом только товарные, потом и они перестали. Рельсы заржавели, шпалы сгнили, платформа заросла полынью и крапивой. Здание вокзала стояло пустое, с выбитыми окнами и сорванной крышей. В зале ожидания ночевали бомжи и пастухи. А в подвале, по слухам, собирались сатанисты в девяностые. Макс лазил туда в детстве. Ничего страшного не нашёл. Только пустые бутылки, старые газеты и странный запах, который потом долго не мог забыть. Запах сырости, машинного масла и чего-то ещё, сладковатого, тошнотворного.

— Ну стоит кто-то и стоит, чё ты орёшь? — пожала плечами Аня. Встала на цыпочки, опираясь локтем на плечо Макса, чтобы разглядеть картинку. — Может, пьяный кто из нижних домов? Или залезть хотел, да доски ломать побоялся.

— Да не стоят так пьяные, Ань, ты разуй глаза! — качнул головой Кирилл. Нервно ткнул пальцем в шкалу воспроизведения. — Я три часа записи прогнал на ускоренной. Он простоял там ровно сорок две минуты. Вообще не шелохнулся! Не переминался с ноги на ногу, не курил, трубу из кармана не доставал. Просто тупо смотрел в эту заколоченную дверь. А потом развернулся и шасть в лес. Без единого шума, будто по воздуху проплыл.

— Сорок две минуты? — переспросил Макс. Голос у него сел. — Ты уверен?

— Я время по камере сверял, — Кирилл говорил быстро, глотая слова. — Там таймкод есть, встроенный. Вошёл в кадр в 18:23, вышел в 19:05. Сорок две минуты, ни секундой больше. И знаешь, что самое стрёмное? Я потом ещё неделю эту камеру гонял, по ночам. Он появляется каждый день. В одно и то же время. Стоит. Смотрит. Уходит.

Макс молча разглядывал пиксельный силуэт на экране. Внутри, где-то под ложечкой, тяжело сжалось. Он вспомнил, как буквально вчера вечером пересекся с Лерой у сельпо. Она была сама не своя. Дёргалась, оглядывалась на каждый шорох в кустах. Царапала его рукав ногтями, быстро-быстро шептала, что им надо срочно поговорить. Без Ани и Кирилла. Что на станции творится какая-то дичь, и Савва шарахается там по ночам с какими-то коробками. Макс тогда только отмахнулся. Мол, некогда мне, надо бате в гараже яму перекрыть да картошку в погреб засыпать. Теперь этот отказ жёг изнутри.

Лера. Он знал её с первого класса. Она сидела за соседней партой. Всегда с этим своим блокнотом, всегда с ручкой в руке. Она была из тех, кто замечает всё. Кто с кем поссорился, кто что сказал, кто куда пошёл. Не сплетница. Просто внимательная. Макс иногда думал, что она видит больше, чем нужно. И вот теперь она стояла у сельпо, бледная, с тёмными кругами под

глазами, и царапала его рукав, как будто пыталась удержать. А он отмахнулся. Как последний идиот.

В этот самый момент со стороны заброшенной станции донёсся короткий плотный металлический удар. Будто кто-то изо всех сил ахнул кувалдой по пустому ржавому рельсу. Звук гулко прокатился по туманной деревне, отразившись от стен заброшенного элеватора. Стая тяжёлых ворон на соседней берёзе с оглушительным хлопаньем крыльев разом снялась с ветвей.

Все трое замерли.

— Это что было? — шёпотом спросила Аня.

— Не знаю, — Кирилл смотрел в сторону станции. На его лице не было ни капли прежнего азарта. Только страх. — Раньше такого не было. Я бы записал.

Макс снова уставился на экран планшета, где на паузе замерла чёрная фигура с белой полоской на рукаве. Ему показалось, что даже через паршивую матрицу камеры он физически чувствует на себе этот тяжёлый чужой взгляд из-под тёмного капюшона. И не может заставить себя отвести глаза.

— Ладно, — сказал он. Голос прозвучал глухо. — Ладно. Пошли вниз.

Они спустились по лестнице, которую Кирилл кое-как укрепил, и стояли втроём у гаража. Смотрели, как туман сгущается над деревней, превращая ольхи в тёмные расплывчатые тени. Где-то за речкой лаяла собака. Хрипло, надрывно, как будто сорвала голос.

— Я пойду к Лере, — сказал Макс.

— Я с тобой, — сразу отозвалась Аня.

— Нет. Она сказала — без вас. — Макс сунул телефон в карман. — Я быстро. Узнаю, чего она хотела, и вернусь.

Он не вернулся ни через час, ни через два. Аня и Кирилл прождали его у гаража до темноты. Потом пошли к дому Леры, но там было темно и тихо. Никто не открыл им дверь. На следующий день Лера не пришла в школу.

Глава 2. Записи в дерматиновом переплёте

В комнате Леры пахло сушёной аптечной мятой, старой бумагой и сырым печным дымом. Дым задувало с улицы через щели в деревянных рамах. На письменном столе под тусклым светом настольной лампы лежал толстый блокнот в жёстком дерматиновом переплёте. Лера аккуратно выводила синей ручкой даты, имена соседей и короткие тезисы. Настойчиво отделяла сухие факты от своих собственных страхов, которые подступали к горлу. Девочка с детства привыкла раскладывать всё по полочкам. Только так она удерживала контроль над жизнью.

В детском саду, когда все рисовали солнце и маму, она рисовала схемы. Воспитательница показывала её рисунки родителям и говорила: «У девочки аналитический склад ума». Мать тогда смеялась и говорила: «В бабушку». Бабушка Леры, Вера Павловна, была учительницей математики в той самой школе, где теперь училась Лера. Она умерла полгода назад. Тихо, во сне. Не дожив до восьмидесяти двух лет. Врач сказал: сердце. Лера знала, что это было не только сердце.

После того как полгода назад не стало бабушки, мать совсем сдала. Могла часами сидеть у холодного окна, смотря в одну точку. Забывала поставить чайник. Лера понимала, что если она сама опустит руки, их маленький деревянный дом с прогнившим крыльцом просто развалится под натиском осенней сырости. Мать Леры, Елена Викторовна, работала в сельской библиотеке. Той самой, что занимала две комнаты в Доме культуры и открывалась три раза в неделю. После смерти бабушки она стала забывать вещи. То ключи от библиотеки оставит дома, то книгу на полке не там поставит, то забудет, какой сегодня день. Лера сначала думала — горе. Потом поняла: что-то не так. Слишком быстро, слишком глубоко. Как будто из матери вынули стержень, на котором держалась её жизнь.

В этот вечер в доме было особенно тихо. Мать сидела на кухне, тупо глядя на пустую стену. На плите остывал недоеденный суп. Лера подошла к ней, положила руку на плечо: «Мам, ты поела?» Мать лишь слабо качнула головой, не поднимая глаз: «Потом, доченька… тише только, голова трещит». Лера ушла в свою комнату. Внутри нарастало холодное отчаяние. Она знала, откуда у матери эта головная боль. Три дня назад та ходила в Дом культуры к Савве послушать «успокаивающие лекции о гармонии».

Савва появился в Ольховке в начале июля, когда спала первая жара. Приехал на старой «Ниве», один, без вещей. Только с большими картонными коробками, в которых, как он потом рассказывал, была «аппаратура для работы с тишиной». Снял комнату у бабы Нюры на краю деревни, за речкой. С первого же дня начал ходить по домам. К старикам, к одиноким, к тем, у кого болело. В спине, в суставах, в душе. Приносил таблетки из района, помогал по хозяйству, слушал. Слушал так, как в Ольховке не умел слушать никто. Не перебивая, не советуя, не осуждая. Просто сидел и кивал. Глаза у него были такие глубокие, такие понимающие, что люди начинали плакать.

Через месяц он открыл в Доме культуры «кружок гармонии». Приходили по вечерам, садились в полутьме зала, слушали музыку. Савва говорил тихо, мягко. О том, что современный человек слишком много шумит. Что мозг устаёт от постоянного гвалта. Что нужно учиться тишине. Люди уходили умиротворённые, с лёгкими головами. А потом началось.

Лера заметила это первой. Потому что записывала. Всегда записывала. В блокнот, в тетрадь, в телефон. Она фиксировала даты, имена, то, что люди говорили до сеанса и после. Картина получалась страшная. После первого сеанса человеку становилось легче. После второго — ещё легче. После третьего он переставал жаловаться на головную боль, но начинал жаловаться на шум: «Слишком громко у вас тут, Лера. Слишком много звуков». После четвёртого — переставал выходить из дома без необходимости. После пятого — переставал выходить вообще.

Пожилая тётя Маша, которая всю жизнь страдала мигренью, после четырёх сеансов перестала узнавать собственного внука. Смотрела на него с абсолютно счастливой улыбкой и говорила: «Какой хороший мальчик. Чей ты, мальчик?» Внук плакал, а она гладила его по голове и повторяла: «Тише, тише. Не надо так громко». А бывший сварщик дядя Коля, славившийся на всю Ольховку пьяными дебошами, вдруг за бесценок отдал свой мотоцикл общине. Теперь целыми днями сидел на крыльце, уставившись в забор. Жена его, тётя Галя, приходила к Лере и плакала: «Он же раньше как трактор был, Лерочка. Орал, дрался. А теперь… теперь как пень. Сидит и сидит. Я ему говорю — Коля, пойдём в огород, картошку копать. А он смотрит сквозь меня и говорит: „Тише, Галя. Не надо шуметь“».

Днём во дворе школы Лера столкнулась с бабой Шурой. Старой подругой её покойной бабушки. Та копалась у клумбы с засохшими бархатцами. Старуха выпрямилась, опираясь на сучковатую палку. С тревожным прищуром посмотрела на девушку: «Ты, Лера, матери-то своей скажи, чтоб не ходила в этот клуб к приезжим. Грех это. Водились у нас в семидесятых такие же „слухачи“ в лесу. Тоже всё тишину искали. А потом мужики по зиме из петель вынимали. Земля-то у нас с норовом. Её слушать нельзя, с ума сойдёшь».

— Какие слухачи, баба Шура? — Лера присела на корточки рядом с клумбой, делая вид, что помогает полоть. — Расскажите.

Старуха долго молчала, глядя куда-то в сторону леса. Потом заговорила. Тихо, будто через силу:

— Был тут один, в семидесятых. Ольхов его фамилия, Иван. Инженер, из города приехал. На станции работал. Тихий такой, вежливый. Всё с приборами своими возился. А потом начал народ по лесу водить. Говорил — земля здесь особенная, звенит. Показывал, как слушать надо. Сначала мужики смеялись. А потом… — она замолчала, пожевала губами. — Потом трое повесились за зиму. А Ольхов исчез. Никто не видел, куда делся. Только сруб его в лесу остался, за оврагом. Туда до сих пор никто не ходит.

— А почему не ходит?

— А ты сходи. — Баба Шура посмотрела на неё внимательно. В её выцветших глазах Лера увидела не старческую муть, а острый, почти молодой страх. — Сходи, если смелая. Только потом не говори, что я не предупреждала.

Секта с красивым названием «Свидетели Тишины» появилась в деревне месяца три назад. Когда спала первая июльская жара. Сначала они казались безобидным кружком помощи. Пара вежливых приезжих ребят во главе с Саввой. Мужчиной лет сорока, у которого был удивительно мягкий, бархатный голос и невероятно глубокие, усталые глаза. Они помогали одиноким старикам. Чинили прогнившие штакетники, привозили из района редкие таблетки, устраивали вечерние чаепития в полузаброшенном Доме культуры.

Но Лера быстро заметила одну пугающую деталь. Все волонтёры улыбались слишком одинаково. Слишком правильно. Словно их губами изнутри двигали едва заметные ниточки. Они никогда не спорили. Никогда не повышали голос. Никогда не говорили «нет». Если их о чём-то просили — делали. Если им отказывали — кивали и отходили. Как будто у них не было ни желаний, ни эмоций, ни своей воли. Только эта бесконечная стерильная улыбка и глаза, в которых не было ничего.

«Тишина лечит, Лерочка, — повторял Савва на каждой встрече. Аккуратно поворачивал ручку на старом радиоприёмнике, стоявшем на подоконнике. — Мы слишком много шумим. Наш мозг тратит силы на мусор, на пустые обиды и ненужную боль». Из динамика шла негромкая закольцованная мелодия. Простая гамма на фортепиано с какими-то плавающими струнными на заднем плане. Сначала она казалась умиротворяющей, баюкающей. Но Лера, дотошно записывавшая всё в блокнот, вывела чёткую закономерность.

Она записывала сеансы на диктофон. Тайком, в кармане, прижав микрофон к ткани куртки. Потом слушала дома, в наушниках. Прокручивала одну и ту же запись десятки раз. И в какой-то момент поняла: в мелодии есть пауза. Короткая, почти незаметная, между вторым и третьим тактом. И в эту паузу Савва всегда говорил одну и ту же фразу. Не громко, почти шёпотом, но отчётливо: «Не нужно заставлять себя». Лера проверила по записям. Фраза повторялась каждый раз, в одно и то же время, с одинаковой интонацией. Как метроном. Как команда.

Утром Лера решительно шагнула в прохладное фойе Дома культуры. Внутри пахло сырой штукатуркой, старым паркетом и свежей эмалью. За длинным столом сидел Савва. Перебирал какие-то картонные карточки и тишайше напевал под нос тот самый фортепианный мотив.

— Савва Сергеевич, — Лера подошла ближе. Глубоко спрятала зябнущие пальцы в карманы ветровки, чтобы не показывать, как они дрожат. — А что это за мелодия у вас крутится? Тётя Маша говорит, у неё после неё голова перестала болеть. Можно мне переписать на флешку? Для школы, для доклада по музыке.

Савва медленно поднял голову. На его бледном гладком лице развернулась привычная мягкая улыбка. Но глаза оставались совершенно мёртвыми. Затянутыми мутной плёнкой, через которую не пробивался свет.

— Музыка — это просто форма, Лерочка, — тихо ответил он. Голос потёк плавно, как густой мёд, заполняя всё пространство фойе. — Её нельзя скопировать на флешку. Она теряет структуру в цифре. Твоя бабушка тоже любила тишину в последние дни. Ты же помнишь, как она тяжело уходила.

Лера вздрогнула. Бабушка умерла во сне, тихо, без мучений. Врач сказал — сердце. Но Савва говорил об этом так, будто знал больше. Будто присутствовал. Будто это он её туда проводил.

Он вдруг осёкся на полуслове. Сместил взгляд чуть левее Леры, прямо в тёмный пыльный угол коридора, где стоял облупленный гипсовый бюст. Едва слышно шепнул, едва шевеля сухими бескровными губами:

— Ещё рано.

Леру обдало липким ледяным потом. В том углу никого не было. Вообще никого. Только пылинки кружились в тусклом луче осеннего солнца, пробивавшегося сквозь немытое стекло. Девочка медленно сделала шаг назад. Бешено и больно колотилась жилка на виске. Она отчётливо поняла: Савва смотрит не на неё и отвечает вовсе не ей. Он общался с тёмной пустотой за её спиной.

— Я пойду, — сказала она. Голос её не слушался. — Мне надо… уроки.

— Иди, Лерочка. — Савва снова улыбнулся. От этой улыбки у Леры заледенели пальцы. — И помни: тишина всегда рядом. Надо только захотеть её услышать.

Вернувшись домой, она с ходу бросилась к столу. Сдёрнула с петли ветровку. «Кто отдаёт команду?» — вывела крупными дрожащими буквами на новой странице блокнота. Савва не был организатором всей этой истории. Он сам выглядел как заводная кукла, которой раз в день подкручивают ключик на спине. Она начала писать дальше. Быстро, строча одну строчку за другой: «Он смотрит в пустой угол. Говорит „ещё рано“. Кому? Что рано? Если это какая-то кодовая фраза, то что она означает? И почему он сказал про бабушку?»

Лера спрятала блокнот под матрас своей кровати. К горлу подступала липкая тошнота от страха. Но мысль о матери, которая вчера тоже обмолвилась, что хочет сходить в Дом культуры «послушать музыку от давления», заставляла действовать. Лера решила проверить подвал заброшенной станции сегодня же. Именно оттуда во время вчерашней прогулки она отчётливо слышала тот же самый низкий неприятный гул. Который едва улавливался в конце кассеты Саввы.

Она надела куртку, сунула в карман фонарик и телефон. В сенях столкнулась с матерью. Та стояла у зеркала, расчёсывала волосы. В её движениях было что-то механическое, как у заводной игрушки.

— Ты куда, доченька? — спросила мать, не поворачивая головы.

— К Ане. Уроки делать.

— А… хорошо. — Мать улыбнулась отражению в зеркале. Но улыбка была не её. Чужая. Слишком ровная. — Только не шуми, когда вернёшься. У меня голова.

Лера вышла на улицу и побежала к станции. Туман уже поднимался от речки. Густой, белый, как молоко. Где-то вдалеке, за лесом, ухнул колокол. Старый, давно не работающий. Но иногда он звонил сам по себе. Бабушка говорила, что это души просят поминовения.

В тот вечер Лера не вернулась домой.

Глава 3. Жёлтая лента у перрона

Лера не пришла на уроки. В их районной школе это сразу бросалось в глаза. Она никогда не пропускала занятия без железного повода. В общем деревенском чате её аватарка висела неактивной с девяти вечера прошлых суток. Все отправленные сообщения так и висели с одной сердитой серой галочкой. Макс набрал её номер раз пять. В динамике лишь суховато и ритмично щёлкали длинные металлические гудки. Переходили в бесполезный механический автоответчик.

— Может, заболела? — предположила Аня утром в коридоре школы. — У неё мать в последнее время совсем плохая. Может, с ней сидит.

— Она бы написала, — Макс не находил себе места. — Она всегда пишет. Даже когда интернет отключают, она через СМС пишет.

— Ты вчера к ней ходил? — спросил Кирилл. — Ну, после того как мы с крыши слезли?

Макс кивнул.

— И что?

— Не открыла. Свет горел в окне, а дверь не открыла. Я стучал, звал. Тихо.

Они переглянулись. Никто не сказал вслух то, что все подумали. Около десяти утра деревню всколыхнул сиплый рёв поливальной машины. За ней, пыля по раскисшей грунтовке, проследовал сине-белый полицейский «УАЗ». Машины промчались через центр деревни, не останавливаясь, и свернули в сторону станции. Макс, Аня и Кирилл бросились следом. Сначала по улице, потом напрямик, через огороды и мокрую траву. Ломали сухие стебли крапивы, не думая про промокающие насквозь ботинки.

У боковой двери зала ожидания уже валялась сорванная жёлтая лента. Местный сторож, дед Михей, сидел на сыром бревне у входа. Трясущимися, искривлёнными от радикулита пальцами пытался прикурить папиросу без фильтра.

— Ох, беда-то какая, ребятки, — зашамкал дед Михей. Едва Макс подбежал ближе, хватая воздух ртом. — Лерочка-то… лежит там. Всё, нету девки. А я ж говорил, нечего на станции шастать потемкам! Земля-то у нас дурная, надышалась чего-то… Ох, грехи наши…

— Как — лежит? — Макс не сразу понял. — В смысле — лежит?

— В прямом, сынок. Мёртвая она. — Дед Михей перекрестился дрожащей рукой. — Я утром пришёл, смотрю — дверь открыта. Ну, думаю, опять бомжи ночевали. Захожу, а она вон… у стены. Как будто спать легла. Только не дышит.

Лера лежала у самой стены, прямо под облупившимся плакатом с расписанием электричек за девяностый год. Её поза казалась странно, дико естественной. Девочка просто прилегла на минутку отдохнуть на холодный бетон после долгой изматывающей ходьбы. Руки вытянуты

вдоль тела, ноги вместе, голова повёрнута набок. Глаза закрыты. На лице — ни страха, ни боли. Только странное абсолютное спокойствие, какого Макс никогда не видел у живых людей.

Рядом, в серых брызгах грязи, валялся её дерматиновый блокнот. Он лежал раскрытым на первой странице, где аккуратным почерком были выведены названия школьных книг. Все остальные листы были вырваны с мясом. Ровно, под самый корешок, словно их срезали острым канцелярским ножом.

Приехавший из района следователь осмотрел угол за какие-то пятнадцать минут. Постоянно поглядывал на часы и торопил своего водителя. Мать Леры, совсем седая, с прямым пробором, стояла чуть отдалённо у забора. Тяжело опиралась на плечо деревенского фельдшера. Только беззвучно открывала рот, не в силах вытолкнуть ни звука.

— Она почти не спала в последние дни, — тихо, глотая слёзы, говорил фельдшер за неё полицейскому. — Всё про бабушку твердила. Закрывалась в комнате, к еде даже не притрагивалась… Мать думала, ну, подростковое это, переболит…

Участковый, майор Григорьев, быстро строчил эти слова в планшет. Периодически кивал с видом человека, которому всё давно понятно. Никаких въедливых вопросов он не задавал. Смерть выглядела как банальный суицид от отравления сильными успокоительными. На полу неподалёку действительно пылилась пустая пластиковая пачка от феназепама.

— А где она взяла феназепам? — спросил Макс. Голос его прозвучал громче, чем он хотел.

Григорьев поднял на него глаза. Взгляд был усталый, тяжёлый. Как у человека, который давно перестал удивляться человеческой глупости.

— В аптеке, Максим. По рецепту. У матери её, между прочим, рецепт. — Он снова уткнулся в планшет. — Иди домой, мальчик. Нечего тебе тут делать.

— Она не могла сама, — Макс не двигался с места. — Она вчера со мной говорила. Она хотела мне что-то рассказать. Про станцию. Про Савву.

Григорьев вздохнул. Отложил планшет. Подошёл к Максу вплотную. Так, что Макс почувствовал запах табака и пота. Положил руку ему на плечо.

— Максим. Я тебя знаю с рождения. Отца твоего знаю. Хороший мужик, работящий. — Он говорил тихо, почти ласково. От этой ласки Максу стало тошно. — И я тебе скажу как взрослый взрослому: не лезь. Не твоё это дело. Девочка умерла, потому что у неё в голове что-то сломалось. Бывает. Молодая, гормоны, стресс, бабушка умерла. А ты себе сейчас найдёшь приключений на задницу. И знаешь, кто будет платить? Отец твой. Потому что я приду к нему и скажу: Николай, сын твой мешает следствию. И что он сделает? Ремня тебе даст? Правильно. И правильно.

Он хлопнул Макса по плечу и отвернулся. Когда подростков позвали дать показания, Кирилл намертво замялся. Промолчал про вчерашнее видео с человеком в капюшоне. Макс сипло ткнул его локтем в бок. Кирилл лишь испуганно качнул головой, уставившись в землю. Участковый смотрел на них свысока. С той усталой покровительственной снисходительностью,

с какой деревенские полицейские обычно смотрят на школьников, начитавшихся детективных книжонок.

— Свободны, — сказал он. — И чтобы я вас тут больше не видел. Понятно?

Пока санитары загружали тело на носилки, Макс боком подошёл к куче выброшенного из зала ожидания мусора. На сырых досках лежала ветровка Леры. Выходя из помещения, оперативник небрежно встряхнул её и бросил на скамейку. Из правого кармана куртки торчал совсем маленький, едва заметный бумажный обрывок. Макс подошёл ближе, заслонив скамейку от полицейских спиной. Незаметно выудил его пальцами. Это был уголок вырванной страницы из блокнота. На нём синели две цифры и обрезок слова: «6:40. Подв…».

Макс крепко сжал бумажку в кулаке. Глубоко спрятал её в карман джинсов, никому ничего не сказав. Он шёл домой через лес, не разбирая дороги. В голове стучало одно и то же. 6:40. 6:40. Подвал. Подвал на станции. Он вспомнил, как вчера, когда они сидели на крыше гаража, Кирилл сказал: человек в капюшоне появляется каждый день в одно и то же время. В 18:23. А уходит в 19:05. 18:23 — это 6:23 вечера. А 6:40 — это 6:40. Утра? Вечера?

Макс остановился посреди лесной тропы. Сердце колотилось где-то в горле. 6:40 утра. Лера была на станции в 6:40 утра. В то время, когда все нормальные люди спят. В то время, когда туман самый густой. В то время, когда… Он не знал, что происходит в 6:40. Но он знал, что Лера это выяснила. И что она умерла. Дома он достал из ящика стола старую тетрадь в клетку. Которую вёл с пятого класса. Что-то вроде дневника, куда записывал важное. Открыл чистую страницу и вывел: «Лера. 6:40. Подвал. Савва. Тишина. Кто-то ещё». Потом посмотрел на эти слова. Понял, что это не ответы. Это вопросы. И что отвечать на них придётся ему.

Глава 4. Музыка для пустых стен

В Доме культуры пахло дешёвым освежителем «Хвоя» и старой слежавшейся пылью. Аня и Макс вошли через парадные двери. Сделали вид, будто просто хотят спросить про аренду зала для вечера памяти Леры. Кирилл остался снаружи. Залепился в кустах акации под открытым форточным окном, пряча видеокамеру в чехол от термоса.

— Только не высовывайся, — прошептал ему Макс. — Если что — звони.

— Да помню я, помню, — Кирилл нервно сжимал камеру. — Идите уже.

Савва встречал их у самого входа в зрительный зал. На нём был тот же серый вязаный свитер, что и вчера. И, наверное, позавчера. Взгляд выражал абсолютное, прямо-таки стерильное умиротворение.

— Проходите, ребята, проходите, — мягко проговорил он. Сделал пригласительный жест руками. — Мы как раз заканчиваем дневной сеанс. Музыка помогает собрать мысли. Современный человек ведь буквально тонет в шуме. Вы даже не замечаете, как этот шум разъедает вас изнутри.

В полутёмном зале сидело человек десять. В основном местные старухи. Но Аня с удивлением узнала и тридцатилетнего продавца из местного строймага, и школьную уборщицу тётю Валю, и даже бывшего физрука Сергея Ивановича. Того самого, который когда-то вёл у них уроки и считался самым громким человеком в Ольховке. Сейчас он сидел на последнем ряду, сложив руки на коленях. Смотрел в стену перед собой с выражением абсолютного покоя.

Пожилая тётя Маша повернулась к Савве. С искренней светлой слезой на щеке тихо пробормотала, шамкая бескровными губами:

— Спасибо вам, Савва Сергеевич, дай вам Бог здоровьичка… Я ведь впервые за три года выспалась-то нормально. Голова лёгкая-лёгкая, будто и не болит ничего, не крутит… Рай да и только.

Мужчина у окна, у которого прошлым летом рак унёс жену, молча кивнул. Подтверждая её слова. Его лицо казалось высеченным из серого хозяйственного мыла. Абсолютно безэмоциональным, лишённым единой морщинки живого напряжения. Савва подошёл к радиоприёмнику «Океан», стоящему на табуретке. Плавно повернул регулятор. Зазвучала мелодия. Аня вся сжалась, готовая к чему угодно. Но звук оказался самым обычным. Простые, довольно приятные переливы фортепиано с чёткой, почти заметной паузой посередине такта. Никто в зале не упал в транс, никто не забился в судорогах. Но Аня чётко заметила, как одновременно все присутствующие выдохнули. Глубоко, синхронно, словно по незаметной команде выключили какой-то внешний тяжёлый мотор.

И ещё она заметила, как сама непроизвольно расслабилась. Плечи опустились, челюсть разжалась, руки, которые она сжимала в кулаки, разомкнулись. В голове стало легко и пусто. И эта пустота была приятной, как глоток холодной воды в жаркий день.

— Не нужно заставлять себя чувствовать то, чего больше нет, — тихо, гипнотически произнёс Савва. Медленно проходя между рядами. — Просто отпустите.

Аня поймала себя на том, что кивает. Что ей хочется закрыть глаза. Что все проблемы — Лера, Кирилл, этот странный человек с мёртвыми глазами — кажутся далёкими и неважными. Главное — вот эта музыка, вот этот покой, вот это ничегонеделание. Макс ткнул её локтем в бок. Резко, больно.

— Ань. Аня.

Она вздрогнула. Наваждение лопнуло, как мыльный пузырь. В зале снова стало душно и пыльно. А музыка — просто музыкой. Неприятно закольцованной, с этим дурацким повтором.

— Ты чего? — прошептал Макс.

— Ничего, — она вытерла вспотевшие ладони о джинсы. — Всё нормально.

После сеанса, когда старики побрели к выходу, Савва сам подошёл к подросткам.

— Лера была очень любознательной девочкой, — проговорил он. Смотрел Максу прямо в переносицу. — Но иногда лишняя любознательность приносит слишком много боли. Не каждый разум способен выдержать глубину настоящей тишины.

— Вы знаете, что с ней случилось? — Макс смотрел ему прямо в глаза. — Вы знаете, почему она умерла?

— Я знаю, что она страдала, — Савва говорил тихо, мягко, с бесконечным выверенным сочувствием. — И что теперь она обрела покой. Настоящий покой. Не тот, что мы ищем в шуме и суете, а тот, что приходит, когда человек перестаёт бороться.

— Она не хотела умирать.

— Никто не хочет, Максим. — Савва улыбнулся. — Но иногда мы не понимаем, что именно смерть — это и есть покой. Что вся наша жизнь — это шум, который надо просто выключить.

Он снова повернул голову в сторону пустого тёмного коридора. Едва слышно шепнул в темноту: «Ещё рано». Аня схватила Макса за руку. Ей показалось — или в темноте коридора что-то шевельнулось? Какая-то тень, какое-то движение, которого не было секунду назад?

— Пойдём, — прошептала она. — Пожалуйста, пойдём.

Выйдя на свежий воздух, Макс резким рывком дёрнул Аню за локоть. Заставил замереть у крыльца. Его лицо было бледнее листка бумаги.

— Ань, — тихо, с заплетающимся языком проговорил он. — Я ведь точно знаю эту мелодию. Я помню её ритм, помню эту паузу в середине… Но я хоть убей не могу вспомнить, где я её слышал. Я помню саму форму… а внутри вообще пусто.

— Как это — знаешь? — Аня нахмурилась. — Ты же никогда не ходил к Савве.

— Не ходил. — Макс смотрел куда-то сквозь неё, в пространство. — Но я её знаю. Вот здесь. — Он постучал пальцем по виску. — Она у меня в голове. И она там давно.

Кирилл вылез из кустов, отряхивая с куртки сухие листья.

— Я записал, — сказал он. — Весь сеанс. И мелодию, и что он говорил. — Он помолчал. — И ещё… я слышал, как он сказал «ещё рано». Кому он это сказал? В коридоре же никого не было.

— Было, — тихо сказала Аня. — Я видела.

Макс и Кирилл уставились на неё.

— Что ты видела?

— Не знаю. — Аня поёжилась. — Тень. В углу. Она как будто… шевельнулась. А потом исчезла.

Они стояли втроём у крыльца Дома культуры. Молчали. Туман сгущался вокруг. Где-то за речкой снова ухнул колокол.

— Пошли ко мне, — сказал Кирилл. — На чердак. Надо всё это записать. Пока не забыли.

Глава 5. Таблицы на чердаке

Кирилл превратил свой чердак в оперативный штаб. На бревенчатых стенах висели распечатанные кадры с видеорегистратора, схемы с датами и пожелтевшие вырезки из районной газеты. Три дня он почти не спал. Монтировал и сравнивал аудиодорожки. Видео с улицы, куски звука сквозь раму Дома культуры и даже старую видеокассету с празднования Дня деревни двухгодичной давности. Тогда волонтёры впервые попробовали включить свою аппаратуру. Чердак был его королевством. Здесь пахло пылью, паяльником и старым деревом. Вдоль стен стояли стеллажи, забитые радиодеталями, проводами, разобранными магнитофонами и компьютерами. В углу громоздился старый сундук. В нём Кирилл хранил «особые ценности». Платы от первых советских компьютеров, ламповые приёмники, катушечный магнитофон «Илеть», который он восстановил из мёртвого состояния прошлой зимой.

Макс сидел на полу. Пытался расшифровать даты из уцелевшего обрывка Леры. Аня составляла подробный список всех деревенских, кто хоть раз переступал порог этих «сеансов».

— Короче, смотрите, тут совпадения железные, — Кирилл ткнул обломанным карандашом в первую карточку. — Павел Игнатьевич. Прошлый месяц. У него собака сдохла, депрессия началась. Пошёл к Савве. Через пару дней перестал отвечать дочери на звонки. Потом припёрся к соседу, отдал ключи от сарая и сказал: «Скоро мне ничего не понадобится». Через три дня вытащили из петли. Полиция записала суицид на фоне тоски.

— Второй — Серёга, бывший сварщик, — подхватила Аня, сверяясь со своей тетрадью. — Работу в мае потерял. На пятый день после этих походов к Савве вообще затих, закрылся в хате. На седьмой день — прыжок с водонапорки. Третья — тётя Люба. Муж умер, она начала ходить в клуб. Через шесть дней — таблетки. Четвёртый — дядя Гриша, тракторист. Пятый — тётя Зина, почтальонша…

— Короче, между первым походом и тем, как человек окончательно слетает с катушек, проходит примерно от пяти до семи дней, — мрачно подвёл итог Макс. — Мелодия сама по себе не убивает. Она как будто выжигает барьеры в голове. А потом человек сам делает то, на что его навели.

— И ещё, — Кирилл отложил карандаш и повернулся к ним. — Я тут посчитал. Все эти люди — Павел, Серёга, тётя Люба, дядя Гриша — они все ходили на сеансы в одно и то же время. Вечером, с шести до семи. И все они умерли в разное время суток, но… — он сделал паузу, — у всех у них на часах в момент смерти было примерно 6:40. У Павла часы остановились на 6:42. У Серёги — на 6:38. У тёти Любы — на 6:41. Понимаете? Это не случайность.

Макс похолодел. 6:40. То самое время, что Лера написала на обрывке.

— Что происходит в 6:40? — спросил он.

— Не знаю, — честно ответил Кирилл. — Но что-то происходит. Каждый день. И станция как-то с этим связана.

Днём они снова попытали счастья у участкового Григорьева. Тот молча выслушал их сбивчивый рассказ. Налил каждому по стакану минералки из пластиковой бутылки. Но только тяжело вздохнул и потёр переносицу:

— Ребят, да поймите вы, нет у меня состава! Музыка — это не яд и не кастет. У нас свобода собраний. Люди взрослые, сами идут в группу поддержки, если хреново. Никаких синяков, никаких следов насилия. Вы просто кино пересмотрели, честное слово.

— А как же Павел? Серёга? Тётя Люба? — Аня подалась вперёд. — Они же все умерли после того, как начали ходить к Савве!

— И что? — Григорьев развёл руками. — Люди умирают, Аня. Все умирают. Кто-то раньше, кто-то позже. Это не значит, что их убивают. У нас нет ни одного доказательства, что Савва хоть пальцем кого-то тронул. А без доказательств я не могу ничего сделать. Это вам не кино, тут закон.

Они вышли из участка, чувствуя себя раздавленными.

— Он что-то знает, — тихо сказала Аня. — Я видела у него на столе папку. Синюю. С фамилией Саввы и печатью из района.

— И что? — Макс пнул камешек. — Папка — это не доказательство.

— Но это значит, что Савва не просто так тут сидит. Что у него есть связи. Что кто-то в районе его прикрывает.

Вечером Кирилл скинул в общий чат новый очищенный аудиофайл. «Послушайте самый финал, — набрал он дрожащими пальцами. — Там в самом конце на пару долей вылезает низкий звук. Похож на гудение трансформаторной будки. Его ухом почти не считываешь. Но на спектрограмме он даёт чёткую наводку. На старой записи двухлетней давности этого гула НЕТ. Его врезали совсем недавно».

Макс сидел за столом в своей комнате. Глядел на лежащий перед ним бумажный обрезок. Достал тетрадь и вывел на первой строчке: «Нужно понять, что именно меняется в человеке за эту неделю. И кто решает, когда эта неделя должна закончиться». Потом добавил ещё одну строчку, которую не показывал никому: «И почему я знаю эту мелодию, если никогда её раньше не слышал?»

Он закрыл тетрадь и лёг спать. Но сон не шёл. Лежал в темноте, глядя в потолок. Слушал, как за окном шумит осенний ветер, как скрипят старые рамы, как где-то вдалеке, за лесом, снова ухает колокол. А потом, уже под утро, когда он почти провалился в забытьё, ему показалось, что в углу комнаты кто-то стоит. Он резко открыл глаза. В углу никого не было. Только тень от шкафа, только блики луны на стекле. Только тишина.

Но тишина была не пустой. Густой, тяжёлой, как вода в затхлом пруду. Где-то на границе слышимости звучала мелодия. Макс зажал уши руками, но она не исчезла. Звучала внутри него.

Глава 6. Учитель в орбите

В четверг утром Макс застрял у расписания на втором этаже школы. Он вообще не любил это место. Узкий коридор с облупленными стенами, где всегда пахло мокрой штукатуркой и дешёвым мылом из туалета. Но сегодня там было особенно неуютно. Может, из-за тумана, который не рассеялся даже к девяти. А может, из-за того, что после смерти Леры школа словно выцвела. Учителя говорили тише. Ученики не кричали на переменах. Даже звонок с урока звучал приглушённо, будто через вату. Макс смотрел на расписание и не видел его. В голове крутились обрывки вчерашнего разговора с Кириллом. Шесть сорок. Все умерли в одно и то же время. Мелодия выжигает барьеры. Он плохо спал эту ночь. Просыпался от каждого скрипа, от каждого шороха за окном. К утру у него было такое чувство, будто он всю ночь таскал мешки с цементом. Руки не слушались. Голова была тяжёлой. И где-то на границе слышимости, тонко, как комариный писк, звенела мелодия. Он не стал зажимать уши. Знал, что бесполезно. Просто стоял и смотрел на расписание. На буквы. На цифры. На что-то, что было там всегда. И не уходило.

Он провёл пальцем по строчке с уроками. История. Первый урок. Он не хотел идти. Не хотел видеть Виктора Сергеевича. Не хотел смотреть ему в глаза. Не хотел слышать его голос. Потому что знал, что этот голос уже не будет прежним. Как у тёти Маши. Как у дяди Юры. Как у всех. Он знал это. Но всё равно стоял у расписания. Как будто ждал, что что-то изменится. Как будто ждал, что буквы сложатся в другой порядок. Как будто ждал, что история отменится. Но история не отменялась. История стояла на первом уроке. История ждала его. История уже была здесь. И она смотрела на него. И улыбалась. И говорила его голосом. И думала его мысли. И делала его дела. И он не мог от неё убежать. Ни в коридор. Ни в класс. Ни домой. Никуда. Потому что она была везде. Потому что она была в нём. Потому что она была им. И он это знал. Но всё равно стоял у расписания. Смотрел на буквы. На цифры. На что-то, что было там всегда. И не уходило.

Мимо него быстрым, но каким-то механическим шагом прошёл Виктор Сергеевич. Учитель истории, суховатый мужчина лет пятидесяти. Он всегда славился своей нервной живостью. Вечно кричал на двоечников, жестикулировал у доски так, что мел летел во все стороны. Макс знал его с пятого класса. Виктор Сергеевич был из тех учителей, которые либо любят, либо ненавидят. Он мог распекать за неподготовленное домашнее задание так, что уши горели. А через пять минут рассказывать про египетские пирамиды с таким восторгом, что даже самые отъявленные лоботрясы слушали, открыв рот. В прошлом году он организовал школьный исторический кружок. Водил детей в походы по местам боёв, учил разжигать костёр и ставить палатку. Лера ходила в этот кружок два года. Виктор Сергеевич тогда говорил, что она прирождённый исследователь. Макс смотрел на него и думал о том, что этот человек когда-то был другим. Когда-то он смеялся. Когда-то он кричал. Когда-то он жестикулировал. Когда-то он был здесь. А теперь его не было. Физически он был здесь. Но внутри него было что-то другое. Что-то, что пришло. И осталось. И не уходило.

Сейчас историк выглядел странно. Плечи опущены. Пуговицы на пиджаке застёгнуты неверно, одна петля пропущена. Воротник торчал. А лицо приобрело ту самую знакомую серую гладкость, которую Макс уже видел у тёти Маши и у дяди Юры. Как будто с лица стёрли все морщины, все складки, все следы жизни. Осталась только гладкая ровная поверхность, как у манекена в магазине. Макс смотрел на него и думал о том, что это не лицо. Это маска. Это что-то, что надели на его лицо. И не собирались снимать. Или, может быть, это было его лицо.

Настоящее. А всё остальное — прежнее — было маской. И теперь маска слетела. И осталось только это. Ровное. Спокойное. Безжизненное.

Он остановился у подоконника. Машинально постукивал указательным пальцем по деревянной раме. Два быстрых удара, пауза, три быстрых. Два быстрых, пауза, три быстрых. Макс замер. По спине пробежал холод. Он знал этот ритм. Слышал его вчера, в Доме культуры, когда Савва проходил между рядами и постукивал пальцем по спинкам стульев. Тот же самый ритм. Та же самая пауза. Он смотрел на палец Виктора Сергеевича и думал о том, что это не просто стук. Это код. Это что-то, что передаётся от одного к другому. Как эстафета. Как цепочка. Как что-то, что переходит от Саввы к учителю. От учителя к ученику. От ученика к родителю. От родителя к соседу. И так далее. Пока не останется только это. Только стук. Только ритм. Только тишина.

Виктор Сергеевич тихо, едва шевеля губами, напевал под нос фортепианный мотив. Макс не сразу узнал его. Слишком тихо, слишком невнятно. Но потом узнал. Та же мелодия. Та же пауза между вторым и третьим тактом. Та же интонация. Он смотрел на учителя и думал о том, что этот человек когда-то рассказывал про египетские пирамиды. Когда-то он водил детей в походы. Когда-то он учил их разжигать костёр. А теперь он стоял у окна и напевал мелодию, которая убивала людей. И не знал об этом. Или знал. Или уже не помнил. Или никогда не помнил. Или это было неважно. Или важно. Или всё сразу.

Макс смотрел на его губы. На то, как они шевелятся. На то, как из них выходит звук. Тихий. Ровный. Без эмоций. Как будто кто-то говорил через него. Как будто кто-то использовал его рот. Его голос. Его дыхание. Как будто он был не человеком. А инструментом. Радио. Антенной. Чем-то, что передаёт сигнал. И ничего больше. Макс смотрел на него и думал о том, что это уже не Виктор Сергеевич. Это что-то другое. Что-то, что пришло. Что-то, что осталось. Что-то, что ждало. И теперь стояло у окна. И стучало пальцем по раме. И напевало мелодию. И смотрело в стену. И не видело ничего. Потому что в стене не было ничего. Только штукатурка. Только краска. Только что-то, что было там всегда. И не уходило.

— Виктор Сергеевич, — осторожно окликнул его Макс, делая шаг навстречу.

Историк медленно повернул голову. Его глаза смотрели сквозь подростка, не фокусируясь на лице. Как будто Макс был пустым местом. Как будто он смотрел не на человека, а на стену. Макс смотрел в эти глаза и думал о том, что в них ничего нет. Ни узнавания. Ни интереса. Ни раздражения. Ничего. Только тишина. Только покой. Только что-то, что было там всегда. И не уходило. Он искал в этих глазах хоть что-то. Хоть искру. Хоть намёк. Хоть что-то, что было Виктором Сергеевичем. Но ничего не находил. Только ровную, гладкую поверхность. Как у манекена. Как у куклы. Как у чего-то, что уже не здесь. Что уже там. В тишине. В покое. В том месте, где не было ни боли, ни страха, ни шума. Где было только хорошо. Где было только тихо. Где было только то, чего он так хотел. И что так его убивало.

— Шум мешает думать, Максим, — ровным, безжизненным голосом произнёс учитель. — Мы тратим слишком много сил на сопротивление тому, чему сопротивляться не нужно. Тишина наводит порядок.

— Виктор Сергеевич, вы… — Макс запнулся, не зная, что сказать. — Вы себя хорошо чувствуете?

— Я чувствую себя прекрасно. — В голосе историка не было ни капли эмоции. — Впервые за много лет я чувствую себя прекрасно. Голова чистая. Мысли не путаются. Никакого шума. Никаких вопросов. Только тишина.

Он развернулся и пошёл дальше по коридору, оставив Макса стоять в оцепенении. Шаги ровные, размеренные, как у солдата на плацу. Он не смотрел по сторонам. Не здоровался с проходящими мимо коллегами. Просто шёл вперёд, к своему кабинету. Лицо абсолютно пустое. Макс смотрел ему вслед и думал о том, что этот человек когда-то был одним из самых умных людей, которых он знал. Читал лекции по истории, мог цитировать наизусть целые страницы из учебников, разбирался в архитектуре и искусстве. А теперь он стоял у окна, постукивая пальцем по раме, и повторял фразы Саввы. И это было страшнее всего. Страшнее фигуры в капюшоне. Страшнее голоса из темноты. Страшнее камней с цифрой «6:40». Потому что фигура уходила. Голос замолкал. Камни можно было выбросить. А это оставалось. И росло. И ждало. И уже почти победило. И никто не мог этого остановить. Ни он. Ни Аня. Ни Кирилл. Никто. Никогда. Никак.

Макс прислонился к стене. Сердце колотилось. Зараза уходила глубже в деревню. Это были уже не только доведённые до отчаяния пенсионеры или пьяницы. Система цепляла интеллигенцию, учителей, людей, чьи мозги казались защищёнными образованием. Виктор Сергеевич был одним из самых умных людей, которых Макс знал. И вот теперь он стоял у окна, постукивая пальцем по раме, и повторял фразы Саввы. Макс смотрел на него и думал о том, что если даже Виктор Сергеевич не выдержал, то что говорить об остальных? О тех, кто послабее. О тех, кто устал. О тех, кто уже был готов. О тех, кто ждал. О тех, кто уже там. В тишине. В покое. В том месте, где не было ни боли, ни страха, ни шума. Где было только хорошо. Где было только тихо. Где было только то, чего они так хотели. И что так их убивало.

Он вспомнил, как Виктор Сергеевич в прошлом году водил их в поход. Как он разжигал костёр. Как он рассказывал про звёзды. Как он смеялся, когда у Макса не получалось поставить палатку. Как он говорил, что главное — не бояться ошибаться. Что главное — пробовать. Что главное — не сдаваться. Макс смотрел на него тогда и думал о том, что этот человек знает что-то, чего не знают другие. Что-то, что делает его сильным. Что-то, что делает его живым. А теперь этот человек стоял у окна и повторял чужие слова. И в его глазах не было ничего. Ни звёзд. Ни костра. Ни смеха. Ни жизни. Только тишина. Только покой. Только что-то, что было там всегда. И не уходило.

Макс вспомнил, как Виктор Сергеевич однажды остался с ним после уроков. Макс тогда получил двойку за доклад. Не потому, что не подготовился. А потому, что не смог выступить. Застеснялся. Виктор Сергеевич не стал его ругать. Он сел рядом и сказал: «Максим, знаешь, что самое сложное в истории? Не запомнить даты. Не выучить имена. Самое сложное — поверить, что ты тоже часть истории. Что ты тоже что-то значишь. Что ты тоже можешь что-то изменить». Макс тогда не понял. Кивнул. Ушёл. Забыл. А теперь вспомнил. И понял. Но было поздно. Потому что тот, кто это сказал, уже не мог ничего изменить. Потому что тот, кто это сказал, уже был там. В тишине. В покое. В том месте, где не было ни боли, ни страха, ни шума. Где было только хорошо. Где было только тихо. Где было только то, чего он так хотел. И что так его убивало.

На перемене Макс нашёл Аню у столовой. Она стояла в очереди за пирожками. На её лице было такое же выражение, как у всех в последние дни. Усталое, настороженное, будто она ждала удара. Макс смотрел на неё и думал о том, что она тоже изменилась. За эти месяцы.

За эти недели. За эти дни. Как будто что-то вынули из неё. Что-то, что было тёплым. Что-то, что было живым. И оставили только это. Только усталость в глазах. Только настороженность. Только что-то, что было там всегда. И не уходило.

— Ты видела Виктора Сергеевича? — спросил Макс, отводя её в сторону.

— Видела, — Аня кивнула. — Он сегодня на первом уроке даже не кричал. Просто сидел за столом и смотрел в окно. Мы ему говорим — Виктор Сергеевич, а он не слышит. Потом повернулся и говорит: «Откройте учебники на странице сто двадцать». Мы открыли. А он опять замолчал. Так весь урок и просидел.

— Он говорил с тобой? Ну, после урока?

— Нет. Я хотела спросить, что с ним. А он посмотрел на меня и сказал: «Не нужно заставлять себя чувствовать то, чего нет». И вышел.

Макс сжал кулаки. Это была фраза Саввы. Та самая фраза, которую он повторял на каждом сеансе. Та самая, которая звучала в паузах между тактами. Он смотрел на Аню и думал о том, что это уже не просто слова. Это код. Это пароль. Это что-то, что открывает дверь. А за дверью — тишина. И покой. И то, что ждало. И дождалось. И теперь стояло в коридоре. И смотрело на них. И улыбалось. И говорило их голосами. И думало их мысли. И делало их дела. И они даже не замечали. Или замечали. Но уже не могли остановиться. Или не хотели. Или не знали, как. Или всё сразу.

— Аня, — тихо сказал он. — Нам надо поговорить с Кириллом. Сегодня. Прямо сейчас.

Кирилл ждал их на чердаке. Выглядел не лучше. Бледный, с тёмными кругами под глазами, в засаленной куртке, которую, казалось, не снимал уже неделю. Но в глазах всё ещё горел тот самый азарт, который Макс знал с детства. Тот самый, с которым он собирал радиодетали. Тот самый, с которым он оживлял мёртвые вещи. Тот самый, с которым он был собой. Макс смотрел на него и думал о том, что, может быть, ещё не всё потеряно. Может быть, ещё есть время. Может быть, ещё можно что-то сделать. Может быть, ещё можно его спасти. Или нет. Или уже поздно. Или всегда было поздно. Или никогда не было времени. Или всё это было напрасно. Всё. Каждый шаг. Каждое слово. Каждая попытка. Всё.

— Я слышал, — сказал Кирилл, едва они вошли. — Про Виктора Сергеевича. Мне Пашка из десятого класса рассказывал. Говорит, учитель сегодня на уроке плакал. Сидел и плакал. А потом вытер глаза и сказал: «Простите, дети. Я не хотел вас пугать. Просто мне очень тихо».

— Тихо? — Аня села на старый сундук. — Это же… это же то же самое, что говорил дядя Юра. «Стало тихо».

— И тётя Маша, — добавил Макс. — Она говорила, что у неё в голове тихо. И Лера писала про это. После неё они начинают говорить сами с собой.

Кирилл подошёл к стене, где висели распечатанные кадры с видеорегистратора. Ткнул пальцем в один из них.

— Я тут вот что нашел, — сказал он. — Помните, я говорил, что человек в капюшоне появляется каждый день в 18:23 и уходит в 19:05? Я проверил по камерам, которые стоят на станции. Он появляется не каждый день. Только по определённым дням. И эти дни совпадают с днями, когда в Доме культуры были сеансы.

Макс подошёл ближе.

— И что это значит?

— Это значит, что он не просто так там стоит. Он ждёт. Или проверяет. Или… — Кирилл замялся. — Я не знаю. Но он связан с Саввой. И с мелодией. И с этими смертями.

— А может, он и есть главный? — спросила Аня. — Может, Савва просто ширма?

Кирилл помолчал. Он смотрел на кадр с фигурой в капюшоне. На белую полосу на рукаве. На тёмное пятно вместо лица. Потом сказал:

— Не знаю. Но когда Савва стоит в фойе и смотрит в пустой коридор, он говорит «ещё рано». Как будто там кто-то есть. Как будто он с кем-то разговаривает. И этот кто-то, может быть, и есть тот, кто в капюшоне. Или не он. Или кто-то другой. Или никто. Или все. Или это неважно. Или важно. Или всё сразу.

Макс вспомнил, как Савва стоял в фойе Дома культуры, глядя в тёмный коридор, и шептал в пустоту. Тогда ему показалось, что это часть какого-то ритуала, странного спектакля. Но теперь, после слов Кирилла, он задумался. А что, если Савва действительно говорит с кем-то? Что, если в этом коридоре кто-то есть? Кто-то, кого они не видят. Кто-то, кто стоит в темноте. И слушает. И ждёт. И знает, что они здесь. И знает, что они смотрят. И знает, что они поймут. И ничего не смогут изменить. Он тряхнул головой. Отогнал мысль. Не время. Не здесь. Но мысль осталась. Как заноза. Как камень в ботинке. Как что-то, что мешает идти.

— Надо проверить его дом, — сказал Макс. — Дом Саввы. Может, там что-то есть. Какие-то записи. Какие-то документы.

— Он же там не живёт, — Аня нахмурилась. — Он живёт у бабы Нюры за речкой. А дом на краю деревни — это его старый дом. Заброшенный.

— Тем более, — Макс посмотрел на неё. — Если он заброшенный, значит, туда никто не ходит. Значит, там может быть что-то, что он не хочет показывать.

Кирилл кивнул.

— Я с вами. Только… — он помолчал. — Давайте не сегодня. У меня голова болит. И шум этот… — он потёр виски. — Как будто в ушах звенит. Уже второй день.

Макс и Аня переглянулись.

— Какой шум? — тихо спросила Аня.

— Не знаю. Как будто… как будто где-то далеко играет музыка. А может, и не музыка. Просто звон. Тонкий такой. — Кирилл улыбнулся, но улыбка вышла кривой. — Наверное, перенервничал. Со всеми этими записями, с Лерой…

Макс хотел что-то сказать, но промолчал. Он вспомнил, как сам прошлой ночью слышал мелодию в тишине. Как зажимал уши руками, а она не исчезала. Как лежал в темноте и слушал, как она звучит внутри. Он смотрел на Кирилла и думал о том, что, может быть, это уже не шум. Может быть, это уже мелодия. Может быть, она уже внутри него. Может быть, она уже там. В тишине. В покое. В том месте, где не было ни боли, ни страха, ни шума. Где было только хорошо. Где было только тихо. Где было только то, чего он так хотел. И что так его убивало.

— Ладно, — сказал он. — Завтра. После уроков. Пойдём к дому Саввы.

Глава 7. Тень на камере

Кирилл покадрово просматривал ночную съёмку со станции до четырёх утра. Глаза жгло от сухой усталости, перед экраном всё расплывалось мутными кругами. Но он снова и снова прокручивал трёхчасовой фрагмент, снятый у заколоченного бокового входа. Чердачная комната постепенно погружалась в синеватый рассветный полумрак. За окном сухо, тоскливо шумели облетающие ольховые ветки, задевая шифер. Из щелей в деревянной обшивке поддувал овражный холод, пробирающий до костей даже через толстые шерстяные носки.

Парень не чувствовал ни голода, ни холода. Полностью ушёл с головой в анализ цифрового шума и попытки раскопать зашифрованную звуковую дорожку. Он уже давно потерял счёт времени. Вчера не пошёл в школу. Сказал матери, что плохо себя чувствует, и она поверила. Потому что в последние дни он действительно выглядел неважно. Бледный, худой, с воспалёнными глазами. Целыми днями сидел на чердаке, перебирая записи, сравнивая файлы, выискивая закономерности. Мать думала, что он увлекается, что это его очередное хобби, и не мешала. Она не знала, что каждую ночь он просыпается от того, что слышит мелодию. Ту самую, которую монтировал в наушниках.

Человек в капюшоне появился на кадре за двое суток до того, как нашли Леру. Возник из густого осеннего тумана буквально ниоткуда. Только что была пустая площадка у двери, и вот уже стоит фигура. Простоял у заколоченной крест-накрест двери ровно сорок две секунды и растворился в сторону леса. Белая полоса на его рукаве ярко светилась в инфракрасном луче камеры.

Это не было похоже на деревенского пьяницу или случайного бродягу, забредающего на путейские развалины. В каждом движении незнакомца прослеживалась страшная неестественная точность, словно у отлаженного часового механизма. Он не переминался с ноги на ногу, не оглядывался, не курил. Просто стоял и смотрел в дверь. Как будто ждал, что она откроется. Как будто знал, что за ней что-то есть.

Кирилл прокрутил запись ещё раз. И ещё раз. Он уже выучил её наизусть. Вот фигура появляется, вот стоит, вот поворачивается, вот уходит. Сорок две секунды. Всегда сорок две секунды. Ни секундой больше, ни секундой меньше.

— Увеличь этот рукав, — тихо попросила Аня. Она неслышно поднялась на чердак по скрипучей стремянке и склонилась над его плечом. Пришла спозаранку, принесла с собой старый термос с горячим крепким чаем и пару подгоревших гренок. — Это что, бейдж какой-то? Или светоотражатель?

Кирилл вздрогнул от неожиданности. Он не слышал, как она вошла. В последние дни он вообще плохо слышал. Все звуки казались приглушёнными, далёкими. Как будто между ним и миром появилась какая-то преграда. Ватная тишина. Та самая, о которой говорил Савва.

— Не, — Кирилл приблизил кадр, превращая изображение в крупную сетку размытых мутных пикселей. — У волонтёров Саввы обычные карточки на булавках, я же видел. А это именно вшитая тканевая полоса. Шириной пальца в три. Лицо вообще не вытянуть. Там густая тень от капюшона, словно у него вместо головы дыра.

— Или он специально прячет лицо. — Аня присела рядом на продавленное кресло. — Ты уже завтракал?

— Не помню, — честно ответил Кирилл. — Кажется, нет.

Аня протянула ему гренку. Он взял, но не стал есть. Просто держал в руке, глядя на экран.

— Я тут вот что нашел, — сказал он через минуту. — Запустил параллельное сравнение двух звуковых дорожек в профессиональной программе. Сверху шла запись двухлетней давности, снятая на школьный аппарат. Снизу свежий файл, снятый сквозь раму Дома культуры. Графики спектрограмм разворачивались разноцветными зубчатыми волнами, показывая структуру звукового спектра.

Он развернул ноутбук к Ане. Ткнул обломанным карандашом в нижний график, изобиловавший плотными низкими пиками.

— Глянь сюда. Мелодия обычная стандартная закольцовка, наигранная на дешёвом синтезаторе. Но этот низкий гул… Он подложен позже. На старых файлах его нет вообще. В свежих копиях на задник врезана вибрация, похожая на работу тяжёлого трансформатора. Ухом ты её почти не считываешь. Но мозг от неё тупо устаёт за пару минут. Перестаёт нормально анализировать входящую информацию.

— То есть это не музыка, — тихо сказала Аня. — Это… оружие?

— Ну, не оружие, — Кирилл почесал затылок. — Скорее инструмент. Как… как настройка. Они настраивают людей на определённую волну. А потом, когда человек уже не может сопротивляться, они дают команду.

— Какую команду?

— Не знаю. — Кирилл откинулся на спинку кресла. — Но я думаю, что это как-то связано с 6:40.

Аня молча кивнула, наливая чай в помятую металлическую кружку. По прохладному чердаку поплыл густой пар с запахом чабреца.

— Кир, — сказала она через минуту. — А ты сколько раз слушал эту запись?

Кирилл замер. Он вдруг понял, что не может вспомнить. Слушал её всю ночь. Монтировал, очищал, фильтровал. Надевал наушники, чтобы проверить уровень шума, и забывал их снять. Просыпался от того, что она звучала у него в голове.

— Не знаю, — честно ответил он. — Много.

Аня открыла рот, чтобы что-то сказать. Но в этот момент Кирилл поднялся с продавленного кресла. Подошёл к небольшому слуховому окну и сладко потянулся, разминая затёкшую спину. И Аня замерла со стаканом в руке, так и не донеся его до губ. Кирилл тихо, совершенно

невпопад напевал под нос тот самый мотив. Плавный перебор клавиш с короткой елейной паузой посередине такта.

— Кира… — тихо окликнула его Аня. Её голос заметно дрогнул. — Ты… ты откуда эту мелодию знаешь? Ты где её выучил?

Кирилл застыл. Медленно повернулся к ней. На его бледном немытом лице проскользнуло искреннее растерянное замешательство.

— В смысле? — переспросил он, часто моргая воспалёнными веками. — Ну… из файла. Я же её всю ночь монтировал, в наушниках сидел.

— Но ты напеваешь её так, словно давно знаешь. — Аня чувствовала, как по спине пробежал ледяной мороз. — Ты точно не слушал её раньше? В детстве там, или у Саввы на сеансах?

Кирилл провёл горячей ладонью по лбу. Словно пытаясь смахнуть липкую невидимую паутину, запутавшуюся в волосах.

— Да я… я не помню, — честно ответил он. В его голосе впервые прозвучали панические жалобные нотки. — Просто застряла в голове. С самого утра крутится, Ань. Я даже не заметил, что напеваю.

Он посмотрел на неё. В его глазах было что-то такое, от чего у Ани сжалось горло. Страх. Настоящий, животный страх.

— Ань, — тихо сказал он. — Я вчера ночью проснулся от того, что она играла. В голове. Я лежал в темноте и слушал, как она играет. И знаешь, что самое страшное? Мне было хорошо. Мне было так хорошо, как не было уже давно. Как будто все проблемы исчезли. Как будто ничего не важно.

Аня поставила кружку на стол. Руки дрожали.

— Кир, тебе надо перестать слушать эту запись. — Она старалась говорить твёрдо. — Прямо сейчас. Удалить все файлы. Выключить компьютер. Не надевать наушники.

— Я не могу, — Кирилл покачал головой. — Я должен найти, кто это делает. Я должен понять, как это работает. Если я остановлюсь, то… — он замолчал, не в силах закончить фразу.

— То что?

— То я не знаю, что со мной будет. — Он посмотрел на неё. В его глазах была такая тоска, что Аня не выдержала и отвела взгляд. — Я уже не уверен, что смогу без неё. Без этой мелодии.

Аня вышла с чердака через десять минут. Спустилась по скрипучей стремянке, вышла на улицу и остановилась. Вдыхала холодный осенний воздух. Ей было страшно. По-настоящему страшно. Потому что Кирилл, который всегда был самым умным, самым живым, самым упрямым из них, сейчас стоял на чердаке и напевал мелодию, которая убивала людей. И не мог остановиться. Она достала телефон и набрала Макса.

— Макс, — сказала она. Голос её дрогнул. — С Кириллом что-то не так. Нам надо поговорить.

Глава 8. Заброшенный дом Саввы

На самый край деревни, где Ольховка упиралась в глухую стену смешанного леса, вела заросшая пыреем и осокой грунтовка. Там, за глубоким замусоренным оврагом, стоял дом Саввы. Старый пятистенок с резными, но сильно покосившимися от сырости наличниками. Деревья вокруг него выросли настолько густо, что даже в яркий солнечный день крыша оставалась в глубокой сырой тени, покрываясь зелёным бархатным мхом. Пахло здесь застойной болотной водой, сырым песком и сгнившими яблоками-паданками.

Макс и Аня подошли к калитке около полудня. Дом казался абсолютно заброшенным. Но при ближайшем рассмотрении эта заброшенность выглядела искусственной, тщательно разыгранной. На крыльце не валялись опавшие листья. Их кто-то аккуратно сметал в сторону и сжигал за сараем. Внутри комнат, когда Макс припал лицом к пыльному стеклопакету, просматривался сухой чистый интерьер. Будто там изредка кто-то бывал и наводил порядок. На подоконнике стояла стеклянная банка с водой. Вода в ней была свежей, без пыли и осадка.

— Он сюда ходит, — тихо сказал Макс, отходя от окна. — Регулярно. Прибирается. Может, что-то хранит.

— Или кого-то, — Аня поёжилась и поплотнее запахнула куртку. — Мне здесь не нравится. Как на кладбище.

Они проникли внутрь через незапертое окошко с тыла здания. Осторожно выставили штапик. Макс подсадил Аню, потом забрался сам. Оказались в тёмной, пахнущей пылью и старым деревом комнате. В первой комнате из мебели стояли только голый дощатый стол да пара простых деревянных табуретов. На столе лежал старый советский радиоприёмник «ВЭФ». Без сетевых проводов, с полностью выбуренными внутренностями. На деревянной поверхности внутри пустякового корпуса осталась лишь сухая пыль. Рядом пылилась пустая пластмассовая коробка от кассеты. Без каких-либо надписей или заводских штампов.

Макс прошёл дальше, в следующую комнату. Здесь было чуть светлее. Окно выходило на восток, и сквозь грязное стекло пробивался тусклый дневной свет. Старый шкаф с выбитыми стёклами. Продавленный диван с торчащими пружинами. Письменный стол с выдвижными ящиками. На столе чернильница, пустая, и старая ручка с высохшим стержнем.

В выдвижном ящике стола Макс нащупал плотный картонный прямоугольник. Это была чёрно-белая фотография, датированная 1978 годом. На снимке группа людей у здания станции Ольховка стояла в старинных тяжёлых пальто с меховыми воротниками. Лица большинства выцвели от времени и сырости, превратившись в бледные слепые пятна. Но на обороте снимка сохранилась чёткая надпись простым карандашом: «И. Ольхов».

— Это что, фамилия? — прошептала Аня, нервно оглядываясь на тёмный дверной проём, ведущий в сени. — Или просто название нашей деревни?

— В деревне никогда не было помещиков с такой фамилией, — ответил Макс, аккуратно пряча фото во внутренний карман куртки. — Бабушка говорила, что так звали первого слухача, который тут поселился ещё до революции. Вроде как дурачок местный был, в лесу жил, со старыми деревьями шептался.

— А баба Шура говорила, что в семидесятых тут был инженер с такой фамилией. Иван Ольхов. Который людей в лес водил и учил землю слушать.

Макс кивнул. Он помнил рассказ бабы Шуры. Лера пересказывала его перед смертью. Инженер, который приехал на станцию работать. А потом начал водить людей в лес и говорить, что земля здесь особенная. Что она звенит. Что надо уметь слушать.

— Может, это он и есть? — Макс посмотрел на фотографию. — Может, это его группа?

— Какая группа?

— Не знаю. Но если он был здесь в семидесятых, и Савва появился здесь три месяца назад… — Макс замолчал, не в силах закончить мысль.

Он прошёл в следующую комнату. Здесь было пусто. Только старый сундук в углу, обитый жестью. И на стенах выцветшие обои с рисунком, который уже не разобрать. Макс открыл сундук. Внутри лежали старые вещи. Женское пальто, несколько книг, альбом с фотографиями. Макс открыл альбом. На первой странице молодая женщина с ребёнком на руках. На второй та же женщина, но старше, с мужчиной в форме железнодорожника. На третьей группа людей у станции. Те же лица, что и на фотографии в столе.

— Макс, — позвала Аня из соседней комнаты. — Иди сюда.

Он вернулся. Аня стояла у стены, на которой висела карта. Старая, пожелтевшая, с пометками. Ольховка была обведена красным карандашом. От неё расходились линии к станции, к лесу, к срубу, к дому Саввы. В центре карты был нарисован круг, а в круге точка. И рядом надпись, сделанная тем же почерком, что и на фотографии: «6:40».

— Это он, — тихо сказала Аня. — Это Ольхов. Он всё это нарисовал.

Макс снял карту со стены и сложил её. Потом посмотрел на Аню.

— Нам надо уходить. Если Савва придёт…

Он не договорил. За окном хрустнула ветка. Они замерли. Макс медленно подошёл к окну и выглянул. В двадцати метрах от дома, в ивняке у станции, стоял человек. Младший брат Саввы. Молчаливый, грузный мужчина лет тридцати пяти, который жил на отдельном хуторе за станцией. О существовании брата знали все деревенские, но никто с ним не общался. Мужчина стоял абсолютно неподвижно, уставившись на дом тяжёлым взглядом из-под кустистых сросшихся бровей.

— Он нас видит, — прошептал Макс. — Не двигайся.

Они стояли у окна, не шевелясь, целую минуту. Мужчина смотрел на них. Потом развернулся и без единого шума ушёл в лес.

— Макс… — тихо проговорила Аня, вытирая холодный пот со лба. — А ведь Савва ни разу, вообще ни разу не упоминал, что у него есть брат.

— И брат за нами следит. — Макс сунул карту за пазуху. — Пошли. Быстро.

Они вылезли через то же окно и побежали через овраг, не оглядываясь. За спиной шумел лес. В этом шуме Максу чудились шаги. Тяжёлые, размеренные. Как у человека, который знает, что бежать некуда.

Глава 9. Хутор за станцией

Аня решила идти к брату Саввы одна. Чтобы не пугать его компанией. Макс был против, хотел пойти с ней. Но Аня настояла. «Он уже видел нас вместе. Если я приду одна, может, заговорит. А если с тобой, просто захлопнет дверь».

Тропинка к его хутору за станцией петляла между старыми ольхами. Земля под ногами казалась необычно пружинящей и влажной. Словно под слоем дёрна была глубокая пустота или промоина. Воздух становился всё более тяжёлым, пропитанным стойким запахом сырой торфяной гари. Аня шла быстро, но внимательно смотрела под ноги. Здесь было легко оступиться и упасть в какую-нибудь яму, заросшую травой.

Хутор представлял собой мрачное и неприступное зрелище. Глухой забор из необрезной доски. За ним на цепи хрипло заходилась огромная собака. Сизый дым над крышей с резким запахом горелой берёзовой коры. Дом был старый, ещё довоенный, с маленькими окнами и низкой крышей. Во дворе колодец с воротом, поленница, старый трактор без колёс.

Аня постучала в бревенчатые ворота тяжёлой деревянной колотушкой. Собака зашлась лаем, захлёбываясь и дёргая цепь. Дверь открылась без единого скрипа. Словно петли были свежесмазаны. На пороге стоял брат Саввы. Угрюмый мужик с глубокими поперечными морщинами на лбу и запавшими нездоровыми глазами. На нём была засаленная телогрейка и резиновые сапоги. Пахло от него машинным маслом и табаком.

— Чего надо? — Голос его был сухим и шуршащим, как сухая трава под ногами на ветру.

— Я про Савву хотела спросить. — Аня старалась говорить максимально спокойно, хотя сердце колотилось где-то в самом горле. — Про то, что происходит на станции по ночам. Вы ведь знаете. Вы же видели нас там.

Мужчина долго смотрел на неё. Словно оценивая, стоит ли вообще говорить с подростком. Потом произнёс коротко:

— Он не начинает. Он продолжает.

— Что продолжает? Кто даёт ему эти записи? — Аня сделала шаг вперёд.

— Спросите у тишины. — Брат Саввы отрезал. — И уходите отсюда. Нечего вам тут шастать. Не будите землю.

— А что будет, если разбудим? — Аня не отступала. — Люди умирают. Вы знаете об этом? Лера умерла. Дядя Юра умер. Тётя Люба. Все, кто ходил к Савве. Вы знаете, что он делает с людьми?

Мужчина молчал. Его лицо не изменилось. Но в глазах что-то дрогнуло. Страх. Настоящий, глубокий страх.

— Он ничего не делает, — сказал он наконец. — Он просто… передаёт. Как радио. Он не виноват. Он сам… — мужчина замолчал, будто понял, что сказал слишком много.

— Сам что? — Аня подалась вперёд. — Он сам под контролем? Кто-то им управляет?

— Уходи. — Брат Саввы отступил на шаг и взялся за дверь. — Уходи, пока цела. И друзей своих забери. Здесь не место для вас.

Аня достала из кармана мятую купюру. Попыталась предложить её хоть за какую-то подсказку. Мужчина даже не взглянул на деньги.

— Не надо мне твоих денег. — Сказал он. — Иди домой. И не возвращайся.

Он уже начал закрывать дверь, когда Аня вдруг заметила в глубине сеней, на бревенчатой стене, старые настенные часы с гирями. Их стрелки замерли навсегда. Они показывали ровно 6:40.

— Подождите! — крикнула она. — Эти часы… почему они показывают 6:40?

Мужчина замер. Медленно повернул голову и посмотрел на часы. Его лицо исказилось. На секунду, всего на секунду. И Аня увидела в нём не угрюмого мужика, а смертельно напуганного человека.

— Потому что в 6:40 они приходят. — Тихо сказал он. — Каждый день. И забирают тех, кто готов.

— Кто «они»?

— Те, кто был здесь до нас. — Он посмотрел на неё в упор. — Те, кто остался. Ольхи.

Дверь захлопнулась. Засов задвинулся с тяжёлым лязгом. Собака залаяла с новой силой. Аня шла обратно по лесной тропе и чётко понимала одну вещь. Этот человек не был ни помощником, ни злодеем. Он был просто до смерти напуганным деревенским мужиком. Который предпочитал спрятаться за глухим забором от того, что разворачивалось вокруг. Но он знал больше, чем говорил. И он боялся не Саввы. Он боялся чего-то другого. Того, что приходило в 6:40.

Глава 10. Подземный пульт

Шанс проникнуть на станцию представился в среду днём. Дед Михей ушёл на обед, оставляя здание без присмотра ровно на один час. В этот промежуток времени деревня обычно погружалась в сонную послеобеденную тишину. Магазин закрывался на перерыв. Школа заканчивала уроки. На улицах оставались только собаки да случайные прохожие.

Макс, Аня и Кирилл проникли в заброшенный зал ожидания через боковой выход. Взломали гнилую штакетину. Внутри стоял тяжёлый дух гнилого дерева и старой отсыревшей штукатурки. На полу валялись окурки, битые бутылки, старые газеты. На стенах облупившаяся краска и надписи, оставленные теми, кто бывал здесь до них. «Здесь был Вася». «Киса и Ося». «Смерть всем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.